

УДК 801.73

УНИВЕРСАЛЬНАЯ СУБСТИТУТИВНОСТЬ И ТИПОЛОГИЯ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ

М. В. Оборина

Тверской государственной университет, Тверь

В статье рассматривается закон универсальной субститутивности, существующий в форме реализуемого баланса универсальных тенденций текстопостроения. Выдвигается предположение о возможности его использования при типологизации герменевтических ситуаций.

Ключевые слова: *универсальная субститутивность, тенденции текстопостроения, языковая личность, герменевтическая ситуация, типология.*

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы обосновать возможности типологического сопоставления герменевтических ситуаций, выражаемых в учёте параметров текстопостроения, типов понимания и уровней развития языковой личности.

Одним из центральных понятий стилистики считается принцип универсальной субститутивности [16], утверждающий возможность проведения на формальном уровне бесконечного числа перестановок, приводящих к тем или иным содержательным изменениям. Принцип субститутивности определяет не только возможности стилистического разнообразия в герменевтическом и риторическом аспектах [12], но и лингвотипологические параметры художественных текстов как исторических дискурсов. Лингвотипологическое описание текста вкуче с типологией формально-содержательного взаимодействия открывает широкие перспективы для разработки таких весомых аспектов, как концептуальное моделирование семантического пространства текста, описание когнитивной сферы целого текста, уяснение места художественного типа текста в полной типологии текстов (см.: [17]). Партитурность – число существенных текстовых параметров, выбираемых по принципу универсальной субститутивности. Она является одной из жанровых характеристик текста, отчасти связанной с идиостилем писателя и эпохи.

Поскольку человеческая субъективность неизбежно выступает в качестве канала передачи информации, тенденции текстопостроения осмысленны только как субъективно осознаваемые. Способность формы входить в содержание и быть представленной дважды, как содержание и как содержательная форма, переживается субъективно. В риторическом залоге партитурность текста определяется множественностью сделанных выборов. По принципу универсальной субститутивности,

выбору подлежат основные «опорные» конструктивные принципы текстовой организации: текстообразующие тенденции.

С герменевтической точки зрения партитурность определяется развитостью языковой личности [15]. Иными словами, и в объект деятельности (художественный вербальный текст, текст живописного полотна и т. п.), и в субъект (языковую, художественную и иным образом квалифицируемую личность) нечто уже заложено. Соответственно, типология герменевтических ситуаций может быть выведена из взаимодействия типологии текстов и уровней развития субъекта действий.

Согласно Ю. Кристевой, текст – есть множественность смыслов [9]. Произведение – то, что выносится (и усматривается) на поверхность текста, вещественный фрагмент, текст же – поле методологических операций [1]. Текст обозначает весь корпус смылосодержащих артефактов, выраженных в вербальной и иных формах, их важным свойством является возможность интерпретации (распредмечивания смыслов). Быть текстом – значит принадлежать миру смыслов, миру социальной коммуникации. Один и тот же текст является в разных произведениях. На уровне субъективного восприятия происходит уточнение образов посредством речевой формы.

С точки зрения Р. Ингардена, «произведение ... намечает (и в ряде случаев довольно детально) те или иные видовые *схемы*, заполняемые читателем в процессе чтения конкретными данными» [8, с. 36]. Ценность и смысл информации для субъекта выступают как часть ситуации деятельности, т. е. они не могут быть объектом, а непременно должны быть пережиты [10, с. 39]. Между передачей и переработкой информации стоит человеческая субъективность. Предметность человеческой деятельности при обращении на текст имеет форму рефлексивного переживания формы в её вхождении в содержание. Универсальная субститутивность речевых сообщений (как средств выражения) позволяет производить в тексте неопределенное множество формальных, но существенных субституций. Каждый тип потенциальных субституций принимается за строку партитуры. Аналогичную методологию использовал уже Клод Леви-Строс при исследовании систем родства в антропологии, указывая на необходимость применения метода оппозиций, разработанного для фонологии Н. Трубецким [11, с. 39–43]. Глубина партитурной организации речевой цепи определяется числом анализируемых строк партитуры, существенных для текстопостроения и текстовосприятия.

Как вещь, включённая в человеческую деятельность, текст обладает противоречивыми характеристиками. Избыточность устной речи (в том числе, фольклорное устное народное творчество и жанры литературы, ведущие свое начало от фольклорных форм или к ним приближающиеся, например, сказовые формы Гоголя или Бажова) призвана ком-

пенсировать необратимость звучащей речи во времени. В превращённых формах она становится «полезной» избыточностью, показателем жанра. Эстетическое переосмысление тенденции к избыточности (рефрены песен и прочее) задаёт новые жанровые параметры. Мера преодоления субъектом неопределённости в условиях его деятельности с художественным текстом зависит от его субъективного восприятия ситуации как ситуации «открытого» или «закрытого» текста (ср.: [19]). Если нужда в повторениях или иных элементах текста не переживается субъективно, то такие повторения будут избыточны, «вредны». Способность субъективного переживания «полезной» избыточности текста служит мерой развития языковой личности [10, с. 54]. Следует также отметить, что оптимизация сообщения как некоего объекта и как акта человеческой деятельности будет выражаться по-разному. Избыточность и энтропийность текста могут быть представлены как низкая и высокая развёрнутость контекста, которая достигается на уровне целого текста реализацией его основных категорий цельности и связанности, в частности, такими текстовыми средствами, как простые семантические повторы, варьирование доли низкочастотных слов, синтаксические преобразования.

Универсальная текстообразующая тенденция импликационности или экспликационности текстов получила освещение на материале коллоквиалистики (см.: [16]) и на материале художественных текстов (см.: [14]). Мера экспликационности текстов соотносима с мерой их субъективно переживаемой понятности. При этом экспликационность и избыточность не могут быть однозначно соотнесены, поскольку при увеличении избыточности речь идет об ограничении многообразия в пользу упрощения и единообразия, в то время как при нарушении баланса в пользу экспликационности разнообразие только растёт. Экспликационность можно трактовать как увеличение фокусов представления содержания в тексте. Это может выражаться в использовании различного рода повторов, многосоюзия и параллелизма, умножающих грани представления постигаемой ситуации. Если определить избыточность как меру того, какая в среднем часть передаваемых источником символов несущественна для идентификации или декодирования сообщения, то следует указать, что формально избыточные элементы (такие как повторяющиеся союзы, ритм или аллитерация) могут помогать в эксплицировании понятий. Эксплицирование может достигаться не только за счёт формальных техник создания избыточности текста, но и за счёт внесения дополнительных количеств информации по новым каналам. В литературе этот эффект достигается приёмами «остранения»: «... дать ощущение вещи, как видение, а не как узнавание; приёмом искусства является приём 'остранения' вещей и приём затруднённой формы, ... так как восприимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть про-

длён; искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве не важно» [18, с. 63]. В свою очередь, эксплицирование бывает связано с одновременным снижением избыточности, например, за счёт введения менее частотных высокоинформативных субституентов – иностранных слов, маркеров личности автора (в сказах и былях). Механизм импликационной и экспликационной форм может выступать соответственно, как сворачивание и разворачивание (см.: [14, с. 70–71]). Эксплицирование есть частный случай развёрнутости формы, которая может иметь вид подведения под понятие, выбора системы необходимых и достаточных признаков для распознавания объекта, выведения следствий. Обе тенденции неизменно модифицируют текст с целью усиления его воздейственности. «Полезное» имплицирование в искусстве стимулирует художественное познание в условиях значащего переживания. Техническими приёмами имплицирования могут быть как паралингвистические средства, так и различные средства оценочности, намёков (для художественного текста см.: [14, с. 151]). «Вредное» имплицирование приводит к сворачиванию речи контекстной до речи ситуативной и далее, интровертированной. Существует несколько классов эксплицирования в соответствии с реализацией трёх функций текста (сообщающей, выразительной и убеждающей) по критерию отношения средств эксплицирования к длине текста и его информативности [10, с. 74]. Средства эксплицирования оказываются полезными в применении к нескольким группам эксплицируемых реальностей: 1) описание предметов, с которыми производится действие; речь при этом становится продолжением наглядности. В художественном тексте такие ситуации равнозначны ситуациям описательной образности, рисованию словами, миметическим описаниям; 2) введение понятий и свойственных им связей (противопоставлений, модальностей, сопоставлений) для эксплицирования скрытого несходства сходного. В художественном тексте это разные приёмы сатирических, иронических текстов; 3) различение житейских и научных понятий (например, приёмы эксплицирующего «остранения» в рассказах Бориса Житкова для детей, «остранение» в повести «Невский проспект» Гоголя); 4) выражение свойств человека как автора речевого произведения (например, личность автора в рассказах от имени «наивного» рассказчика у Гоголя, Мюриэл Спарк, Марка Твена).

Две другие противоборствующие тенденции текстопостроения, актуализация и автоматизация сообщения и внешняя/содержательная форма, также являются универсальными и обязательными элементами партитуры текста [4]. Актуализация как способ нарушения среднестатистической сочетаемости формальных единиц языка в тексте выдвигает отдельные средства текста и способствует созданию их субъективного переживания как имплицитных или эксплицитных с точки зрения реципиента. Переживание «выдвинутости» связано с нарушением при-

вычного, с понижением предсказуемости. Как и все текстообразующие тенденции, актуализация и автоматизация являются историческими явлениями. Диахроническое рассмотрение позволяет проследить динамику становления и угасания жанров и идиолектных дискурсов.

Возможность использования внешней или содержательной формы связана с явлением гегелевского удвоения формы:

«... содержание не бесформенно, а форма в одно и то же время и содержится *в самом содержании*, и представляет собой нечто *внешнее* ему. Мы здесь имеем удвоение формы: во-первых, она как рефлексированная в самоё себя есть содержание; во-вторых, она как не рефлексированная в самоё себя есть внешнее, безразличное для содержания существование» [6, с. 298].

Содержательность формы выступает как универсальная стилевая характеристика речевого произведения, а целевой характер выбора средств выражения позволяет утверждать, что только в данной форме данное художественное произведение может потенциально оказать воздействие на реципиента. Отношения и соотношения между текстообразующими средствами и текстовыми смыслами являются одной из фундаментальных проблем филологической герменевтики. Средства текстопостроения определяют и эстетический модус художественного текста – выразительные формы и средства текстообразования выступают также в функции оптимизации процесса освоения мира. По выражению Э.В. Ильенкова, красота есть средство улучшения познания, а удвоение формы ведёт к «очеловечиванию мира», т.е. к умению видеть мир «глазами всех других людей» [7, с. 34].

При изменении текстообразующих средств меняется и конфигурация связей и отношений в ситуациях действия и коммуникации, образующая смысл. Средства выступают как часть ситуации, необходимой для смыслообразования. Планомерное изменение, развитие и построение смыслов может быть обеспечено регулированием средств текстопостроения. В широком смысле, любое сообщение воздейственно, любое предметное содержание может передаваться выразительными средствами. Эмоционально-экспрессивная презентация и образность одинаково важны. Эмоции от формы и эмоции от содержания выступают в неразрывном единстве как идеаторное явление [10, с. 89]. В такой функции эмоция выступает как значащее переживание, ведущее к реактивации следов первичных чувственных образов (особый вид эксплицирования, способствующий удвоению формы). Эксплицирование с помощью метафор, сравнений и других фигур речи может становиться частным средством образности.

Достаточность речевой формы является эффектом одновременной реализации ряда соотношений, оптимальных для каждого данного сообщения [10, с. 96]. Оптимальное соотношение касается всех основ-

ных текстообразующих тенденций как мера их реализации в каждом сообщении. Обеспечение достаточности речевой формы может выступать как правило риторического воздействия, дидактический принцип, или же как эстетический принцип. С точки зрения типологии герменевтических ситуаций, принцип достаточности формы выступает в форме реализации текстом принципа оптимального пробуждения рефлексии (или художественности). Речевая форма может вследствие своей роли в тексте управлять пониманием.

Текст сообщает не только то, что в нём написано, поэтому его понимание не может сводиться только к тому, что в нём написано, ему

«... присуща множественность. Это значит, что у него не просто несколько смыслов, но что в нём осуществляется сама множественность смыслов как таковая – множественность неустранимая, а не просто допустимая. В тексте нет мирного сосуществования смыслов – Текст пересекает их, движется сквозь них; поэтому он не поддается даже плюралистическому истолкованию, в нём происходит взрыв, рассеивание смысла» [2, с. 417].

В каждом тексте можно обнаружить (при его деконструкции) борьбу подходов, идей, взглядов. «Текст движется в бесконечном континууме трансформаций-прочтений, в которых неинтегрированная множественность его смысла если не возрастает буквально, то по крайней мере всё время обновляется» [5, с. 43].

Текстообразующие тенденции, реализуемые, как мы подчеркнули, одновременно и в риторическом, и в герменевтическом зале, позволяют строить типологии текстов, а при введении различия текста и произведения – типологии герменевтических ситуаций. Субъект и объект в герменевтике связаны друг с другом и непредставимы друг без друга – объект каждый раз разный, неидентичный самому себе.

Модель языковой личности (и любой другой профессиональной личности; профессиональной, т.е. существующей в той или иной деятельности и «оспособленной» для неё – имеющей соответствующую рефлексивную позицию, набор правил и цель, как минимально необходимые характеристики) может быть представлена в виде уровней развития [4]. Модель уровневого развития языковой личности в применении к действию с текстами представляет своего рода постепенный переход от нерасчленённости и абстрактности до крайней степени диверсификации и детализации. Так, уровень первичного жанроопределения позволяет языковой личности в первом приближении оценить и определить произведение как относящееся к универсуму текстов, говорящих на языке данной лингвокультуры. Достижение дальнейших уровней развития делает этот универсум текстов всё более определённым и в то же время всеохватным.

Согласно М.К. Мамардашвили, сознательное планирование феномена непонимания есть способ жизни художественных произведений.

Это прежде всего относится к способностям формы вызывать творческий акт понимания со стороны субъекта. Если не будет заданного в структуре непонимания, то «не вспыхнет и способность человека понимать предмет знания» [13, с. 90].

Типы герменевтических ситуаций (заложенного в самой структуре непонимания) могут быть описаны в модели куба Гилфорда, традиционно используемой для описания уровней развития языковой личности [15, с. 4]. Такая модель позволяет приписывать трём осям различные значения и рассматривать неопределённое множество ситуаций. Так, ось А может представлять уровни развития личности; ось Б – реализуемые типы понимания; ось В – партитурные строки текста. Устойчивость смыслов заключена в устойчивости самого текста, так как текстовые средства, необходимые при образовании знаковой ситуации для бытия нозмы (мельчайшей единицы смысла), остаются теми же. Следы смыслов остаются в рефлексивной реальности опыта в виде онтологической картины (указанием на которую служат реализуемые в тексте тенденции текстопостроения), и обращение рефлексии на эти картины приводит к рефлексии над любыми проявлениями субъективности. Средства текста в форме текстообразующих тенденций эмпиричны, а смыслы, к которым выводит рефлексия, – идеальны. Это противоречие снимается в обращении на текст коллективного опыта в форме индивидуального усилия. Коллективный опыт, в частности, зафиксирован в универсальных тенденциях. Историчность и постоянство, таким образом, становятся противоречивой сущностью рефлексивной реальности. Если некое интенциональное переживание имеет место, то только потому, что оно уже есть в той или иной форме в рефлексивной реальности языковой личности и опознаваемо с помощью коллективно переживаемых форм текста (реализующих универсальные тенденции текстопостроения).

Дальнейшее рассмотрение типов ситуаций непонимания, ситуаций герменевтического усилия, позволит описать потенциально возможные герменевтические ситуации и гипостазировать механизм их возникновения в условиях производства и рецепции текстов культуры.

Список литературы

1. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательного текста [Текст] / Р. Барт : пер. с франц. // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – С.387–422.
2. Барт Р. От произведения к тексту [Текст] // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с франц. – М. : Прогресс, Универс, 1994. – С. 413–423.
3. Богин Г. И. Типология понимания текста [Текст] / Г.И. Богин. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1986. – 84 с.

4. Богин Г.И. Интерпретация текста : учеб.-методич. мат-лы [Текст] / Г.И. Богин. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1995. – 38 с.
5. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования [Текст] / Б. Гаспаров. — М. : Новое лит. обозрение, 1996. – 352 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. – Т. 1. Наука логики [Текст] / Г.В.Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1974. – 452 с.
7. Ильенков Э.В. О воображении [Текст] / Э. В. Ильенков // Народное образование. – 1968. – № 3. – С. 29–38.
8. Ингарден Р. Исследования по эстетике [Текст] / Р. Ингарден : пер. с польск. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1962. – 572 с.
9. Кристева Ю. Порождение формулы [Текст] / Ю. Кристева : пер. с франц. // Ю. Кристева. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М. : РОССПЭН, 2004. – 656 с. – С.293–386.
10. Кукушкина С.К. Оптимизация речевой формы устного объяснения учителя [Текст]: дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / С.К. Кукушкина ; Моск. гос. ун-т. – Москва, 1981. – 213 с.
11. Леви-Строс К. Структурная антропология [Текст] / К. Леви-Строс : пер. с франц. – М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
12. Макеева М.Н. Риторика художественного текста и её герменевтические последствия [Текст]: автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / М.Н. Макеева ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2000. – 36 с. – На правах рукоп.
13. Мамардашвили М.К. Обязательность формы [Текст] / М.К. Мамардашвили // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М. : Прогресс, 1990. – С. 86–90.
14. Оборина М.В. Понятие «импликационная и экспликационная тенденции текстопостроения» как средство интерпретации текста [Текст]: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М.В. Оборина ; Моск. гос. лингв. ун-т. – Москва, 1993. – 215 с.
15. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики : учеб. пособие [Текст]/ Ю.М. Скребнев. – Горький : Изд-во ГГПИИЯ, 1975. – 174 с.
16. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику [Текст] / Ю.М. Скребнев. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – 210 с.
17. Фоменко Е.Г. Лингвотипологическое в идиостиле Джеймса Джойса [Текст] : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.04 / Е.Г. Фоменко ; Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2006. – 40 с.
18. Шкловский В.Б. Искусство как приём [Текст] / Шкловский В.Б. // Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). – М. : Советский писатель, 1990. – С. 58–72.
19. Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределённость в современной поэтике [Текст] / У. Эко : пер. с итал. А. Шурбелёва. – СПб. : Академический проект, 2004. – 384 с.

**UNIVERSAL SUBSTITUTIVITY
AND HERMENEUTIC SITUATIONS TYPOLOGY**

M. V. Oborina

Tver State University, Tver

The paper treats the universal substitutivity law that transpires in the form of harmonious balance of universal trends of textbuilding.

Keywords: *universal substitutivity, trends of textbuilding, linguistic personality, hermeneutic situation, typology.*

Об авторе:

ОБОРИНА Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Тверского государственного университета, e-mail:mobor@mail.ru